
А. А. ЧЕКАЛОВА

ЗАПАД И ВОСТОК В ПРЕДСТАВЛЕНИИ РАННЕВИЗАНТИЙСКИХ АВТОРОВ

Культурно-мировоззренческое противостояние между Востоком и Западом началось с самого начала существования Византийской империи и даже до ее возникновения, уходя своими корнями в глубокую древность. Достаточно четко это противостояние проявилось уже в 325 г. на Никейском соборе. Происходившие на соборе споры были по существу отражением западных и восточных тенденций внутри тогда еще единой церкви. Вместе с тем это была лишь одна из форм различий между Западом и Востоком, суть которых лежала значительно глубже, в самом различии цивилизаций.

Не пытаясь глобально решать эту многоаспектную проблему, мы хотели бы остановиться на том, как византийские авторы воспринимали Запад и Византию (восточную часть Римской империи) на понятийном уровне, когда в их представлении империя разделилась на западную и восточную, какие у них были приоритеты.

Обратимся к Аммиану Марцеллину. Грек по происхождению, выходец из столицы Востока, красавицы Антиохии,¹ Аммиан вместе с тем явно отдавал предпочтение Риму.² В его сочинении прославление Рима выливается в подлинный культ Вечного города, которому все народы поклоняются как владыке и царю. Риму как центру римской державы, по мнению историка, суждено жить, пока будет существовать челове-

¹ Среди последних исследований, посвященных Аммиану Марцеллину, особое место занимает фундаментальная монография Дж. Мэтьюза: *Matthews J. The Roman Empire of Ammianus* (London, 1989), где, среди прочего, автор высказывает оригинальную гипотезу о том, что Аммиан был родом из Александрии. Эта точка зрения, однако, не подтверждена надежными свидетельствами. Из других работ об Аммиане особо следует отметить такие: *Barnes T. D. Ammianus Marcellinus and the Representation of Historical Reality*. Ithaca; London, 1998; *Рубцова М. В.* Репрезентация политической организации Римской империи IV в. в «Res gestae» Аммиана Марцеллина. Екатеринбург, 2005.

² *Ammianus Marcellinus. Römische Geschichte* / Ed. W. Seyfarth. Berlin, 1968—1971 (далее — *Amm. Marc.*). XIV. 6. 6. Cf.: XVI. 10. 13 (Рим — обитель мирового владычества).

ство.³ С представлением о Риме тесно связана и его убежденность в том, что империя должна оставаться неделимой и иметь одного властелина.⁴

В произведении Аммиана Марцеллина империя еще едина, а Восток — лишь составная часть ее. Понятие «западная часть империи» практически не встречается в его сочинении и вообще противоречит его представлению о государстве. Западная часть империи во главе с Римом — это и есть подлинная империя, а Восток — это особая ее область, приобретенная Римом.⁵ Представление о том, что империя может быть разделена на разные части, которыми могли бы управлять разные государи, резко осуждается Аммианом. «*Res publicam nec posse dividi nec debere*», — говорит он устами Констанция в XIV книге своей «*Res gestae*».⁶ Когда историк в своем повествовании доходит до дележа империи между Валентинианом и Валентом, он пишет: «Находившиеся в полном согласии между собой императоры <...> провели зиму на месте, а с началом весны прошли через Фракию и прибыли в Нэсс. Там в предместье Медиане <...> они, как бы собираясь немедленно расстаться, поделили между собой комитов. Валентиниан, которому принадлежал решающий голос, взял себе Иовина <...> и Дагалаифа <...> Следовать за Валентом на Восток назначен был Виктор, к нему был присоединен Аринфей. Люпицин, назначенный магистром конницы, должен был охранять восточные области. Тогда Эквиций, бывший в то время не магистром, но всего лишь комитом, получил командование иллирийской армией, а Серениан, вновь поступивший на службу, сопровождал Валента в звании командира школы домашних животных. Приняв такое решение относительно командиров, императоры поделили между собой и легионы».⁷ Далее Аммиан говорит о разделении между императорами гражданских чиновников и придворных.

Иными словами, в представлении историка речь идет не о разделе империи, а всего лишь о разделе между императорами военных и чиновников, с помощью которых они осуществляли свою власть.⁸ В его сознании никакого дележа империи нет и не может быть. Существует единый римский мир — *orbis Romanus*. *Haec per orbem Romanum factorum ordine contexto versante...* («Между тем как непрерывной чередой происходили в римском мире события...»)⁹ Он порицает Валентиниана за то, что тот нарушил установленный издревле обычай тем, что нарек брата и сына не цезарями, а августами с равными правами.¹⁰ Историк полагает, что август должен быть один, имея при себе цезарей, которые служат ему помощниками.¹¹

³ Ibid. XIV. 6. 3; XXVI. 1. 14; 3. 1; XXVIII. 1. 36;

⁴ Ibid. XIV. 11. 9.

⁵ См., например: Ibid. XIV. 7. 1, 5. 21; 8. 5, 6 etc.

⁶ Ibid. XIV. 11. 9.

⁷ Ibid. XXVI. 5. 1—3.

⁸ Ibid. XXVI. 5. 4.

⁹ Ibid. XVI. 1. 1.

¹⁰ Ibid. XXVII. 6. 16.

¹¹ Ibid.

Показательно отношение Аммиана к Константинополю. Он никогда не ставит Константинополь в один ряд с Римом. Об этом в его представлении не могло быть и речи. Рим один. Он центр вселенной. А Константинополь лишь один из *sedes principes*, таких, как Милан, Трир, Сирмий. После дележа своих подчиненных императоры, пишет он, разъехались: Валентиниан отправился в Медиолан (Милан), а Валент — в Константинополь. Находясь в названных выше *sedes principes*, оба императора приняли консульские отличия.¹² Константинополь — славный город, родина его кумира Юлиана Отступника, который его щедро украсил,¹³ и все же ему далеко было даже до Антиохии, прекрасному венцу Востока.¹⁴

Но при всем том сознание того, что Восток — некая особая часть империи, несомненно, присутствует в сочинении историка. Население Востока Аммиан Марцеллин нигде не называет римлянами. Это скорее пестрый разноэтничный мир, подвластный Риму и римскому народу, но живущий по своим традициям, на свой лад и нередко с собственной юрисдикцией. Он называет население Востока либо по географическому принципу (антиохийцы, александрийцы и т. д.), либо по этническому (греки, сирийцы, исавры). Аммиан не считает римлянином и себя, и хотя он много лет прослужил в римской армии, историк говорит о себе: «солдат и грек» (*miles et Graecus*).¹⁵

Надо сказать, что во времена Аммиана Марцеллина греки Востока еще не считали себя римлянами. Достаточно долго они воспринимали враждебно Константинополь, наполненный латиноязычными военными и чиновниками, не знавшими греческого языка, языка высокой культуры. Либаний ненавидел все римское, ему претило пристрастие римлян к законам и праву. Ритор был убежден, что с Демосфеном легче победить в суде, чем с увесистыми томами законов.¹⁶

Понятие «новый Рим» в применении к Константинополю родилось, по всей видимости, в церковных кругах.¹⁷ В 381 г. на Втором церковном соборе, проходившем в Константинополе, было заявлено что «епископ Константинополя по почету должен следовать сразу за римским, ибо Константинополь есть новый Рим (*διὰ τὸ εἶναι αὐτῇ νέαν Ῥώμην*)».¹⁸ Охотно использовал это определение Григорий Назианзин,¹⁹ хотя Василий Великий называл город на Босфоре просто Константинополем.²⁰ Однако сознание, что Константинополь — центр Восточной части империи, крепло и у самого населения Востока, в первую очередь греческого.

¹² Ibid. XXVI. 5. 4.

¹³ Ibid. XXII. 9. 2.

¹⁴ Ibid. XXII. 9. 3.

¹⁵ Ibid. XXXI. 16. 9.

¹⁶ Libanii Epistula 1203 (364 г.).

¹⁷ Fenster E. *Laudes Constantinopolitanae*. München, 1968. S. 55.

¹⁸ Canon 3.

¹⁹ Gregorii Nazianzeni Oratio 36 // PG. T. 36. Col. 280 B etc.

²⁰ Fenster E. *Laudes Constantinopolitanae*. P. 61.

Показательно, что после 395 г., когда уже, казалось, империя была навсегда разделена, не на Востоке, а на Западе высказывались надежды на объединение обеих частей империи. Эти надежды лелеял полководец и фактический правитель Запада вандал Стилихон, утверждавший, что Феодосий Великий оставил его опекуном обоих своих сыновей — Аркадия и Гонория.²¹ Он выставлял это в качестве предложения для объединения обеих частей империи под главенством Запада и лично его, Стилихона. По мнению апологета Стилихона поэта Клавдиана, ему это даже удалось в 399 г., когда был свергнут еще недавно всесильный временщик Востока Евтропий и «Восток уступил Западу».²² Клавдиан в своей пространной (в 1200 стихов) речи на консульство Стилихона, составленной между сентябрем и концом декабря 399 г., провозгласил 400 г. (год консульства Стилихона) годом внутреннего согласия между обеими частями империи и даже возвестил начало золотого века.²³ На Востоке, где место Евтропия занял образованный префект претория Востока Аврелиан, дружбой с которым гордился Синесий Киренский²⁴ и который являлся главой антиварварской партии, подобные притязания варвара-вандала никто не принимал в расчет.²⁵

Но прошлое единство Запада и Востока не было предано забвению и в Византии, однако ни о каком политическом преимуществе Запада перед Востоком здесь никто даже не помышлял. Так, для историка Евнапия, который жил во второй половине IV—начале V в., характерно представление о двух частях империи, но ему еще хотелось бы видеть ее единой. Он с осуждением пишет о том, что сыновья правившего на Западе императора Валентиниана I (Валентиниан и Грациан) вознамерились разделить между собой царскую власть (τὴν βασιλείαν διηρῆσθαι κατὰ σφῶς ἑδῶκου).²⁶ Для Евнапия они соцарствующие (συμβασιλεύοντες) с восточным императором Валентом, и им полагалось сначала доложить (ἀναφέρειν) о своих намерениях дяде как старшему правителю государства.²⁷ А повествуя о более поздних событиях, он пишет: «Какое это было бы счастье (πανόλβιον τι χρῆμα), какая это была бы твердыня нерушимая, когда бы цари (имеются в виду Аркадий и Гонорий. — А. Ч.), будучи в двух телах, составляли бы одно царствование».²⁸ Вместе с тем он уже отдает себе отчет в том, что со смертью Феодосия I появились две державы — τὰς ἀρχάς.²⁹ Но объединение их в

²¹ Zosime Histoire nouvelle / Ed. F. Paschoud. Paris, 1971—1986. Т. 1—3 (далее — Zosim). V. 4. 3.

²² Claudiani De consulatu Stilichonis. I. 8.

²³ Ibid. II. 446—447.

²⁴ Об Аврелиане см.: The Prosopography of the Later Roman Empire / Ed. A. H. M. Jones, J. R. Martindale, J. Morris. Cambridge, 1971. Vol. 1. P. 128—129; Aurelianus 6.

²⁵ Demougeot E. De l'unité à la division de l'empire romain, 395—410. Essai sur le gouvernement impérial. Paris, 1951. P. 246.

²⁶ Eunapii Fragmenta // Historici graeci minores / Ed. L. Dindorf. Lipsiae, 1870. Vol. 1 (далее — HGM). Fr. 42 (P. 238).

²⁷ Ibid.

²⁸ Ibid. Fr. 85. P. 267.

²⁹ Ibid. Fr. 62. P. 254.

одно царство не кажется ему невозможным. Однако Запад, к его сожалению, все более отдалялся от Востока. События на Западе во времена все- сильного евнуха Евтропия, констатирует он, не поддавались точному описанию.³⁰

В центре его внимания находится Восток с центром в Константинополе, который он по временам называет просто полис (город),³¹ подобно тому как римляне называли городом (urbis) Рим. Жители Константинополя и всей восточной части империи — римляне, а их страна и есть держава римлян. Гайна, против которого ополчилось население восточной части империи, в первую очередь Константинополя, назван Евнапием врагом римлян.³² Гунны, нападавшие на Византию, воюют с римской державой, и отражают их набеги римляне.³³ Правда, термин употребляется скорее не в собирательном смысле, а лишь как обозначение государственной принадлежности населения к стране, которой правит римский император. Когда же историк повествует о событиях внутри империи, он, как правило, прибегает либо к этническим (сирийцы, исавры), либо к географическим понятиям (александрийцы).³⁴

Лишь со второй половины V в. можно говорить о кардинальных изменениях в сознании византийцев, о чем свидетельствует сочинение Приска Панийского.

Для Приска нет сомнений в том, что уже существуют два разных государства — одно западных римлян (ἑσπερίων Ῥωμαίων), другое — восточных римлян (ἑσῶν Ῥωμαίων).³⁵ Иначе говоря, историк уверен в том, что население Восточной (Византийской) империи — истинные римляне. Здесь уже не только государственный, но и собирательный принцип. О западных римлянах историк упоминает лишь тогда, когда пути их соприкасались с восточными римлянами, т. е. византийцами. Именно такой была ситуация, когда к Аттиле прибыли послы из Константинополя и из Рима. И только именно в этом случае он называет византийцев восточными *римлянами*.³⁶ В других ситуациях византийцы называются просто римлянами.³⁷ Именно о них он пишет свою «Историю». Римское государство у него синоним Восточной (Византийской) империи.³⁸ Его жители и есть настоящие римляне. Повествуя о посольстве восточных римлян к Аттиле он, среди прочего, рассказывает о плененном гуннами жителе империи, который, увидев римлянина Приска, сказал ему по-эллински χαῖρε и с которым у него возникла дискуссия о ἡ πολιτεία Ῥωμαίων.³⁹ В том же фрагменте он заявляет, что скифам трудно говорить по-гречески, поскольку у них нет тесных контактов с *римлянами*.

³⁰ Ibid. Fr. 74. P. 260.

³¹ См., например: Ibid. Fr. 79. P. 264.

³² Ibid.

³³ Ibid. Fr. 91—94. P. 271—272.

³⁴ Ibid. Fr. 84. P. 267; Fr. 86. P. 268; Fr. 83. P. 266; Fr. 106. P. 273—274 etc.

³⁵ Prisci Fragmenta // HGM. Fr. 7. P. 286.

³⁶ Ibid. Fr. 8. P. 301.

³⁷ Ibid. Fr. 1. P. 277; Fr. 2. P. 280—281 etc.

³⁸ Ibid. Fr. 7. P. 287 etc.

³⁹ Ibid. Fr. 8. P. 305—309.

Иными словами, по Ириску, жители Восточной (Византийской) империи говорят на языке эллинов, являются греками по этносу, подобно упомянутому пленнику, но в то же время они и есть истинные римляне.

Для западных римлян он начинает употреблять географический термин — италиоты.⁴⁰ Таким образом, можно уже говорить о появлении в сознании византийцев перемещения центра империи из Рима в Константинополь.

Традицию Приска продолжает Малх Филадельфиец. В его сочинении также присутствуют западные и восточные римляне. Но основным царством является держава Востока. Он называет Василиска, свергнувшего на время Зинона, царем восточных римлян.⁴¹ А когда Зинон вернул себе трон, он, по словам Малха, вновь получил верховную власть на Востоке.⁴² В том и другом случаях речь шла о событиях, так или иначе связанных с Западом. Когда соприкосновений с Западом нет, то тот же Зинон именуется царем римским (βασιλεὺς Ῥωμαίων) или просто василевсом.⁴³ Внимание Малха сфокусировано на Востоке. Не зря свое сочинение он, как свидетельствует патриарх Фотий, назвал Βυζαντιακά,⁴⁴ т. е. события вокруг Византия. Для него главным городом ойкумены является не Рим, как некогда для Аммиана Марцеллина, а Константинополь, Византий, который он, как и его предшественники, называет по временам просто полисом.⁴⁵ Соответственно василевс Византии — ключевая фигура в тогдашнем мире, главный вершитель всех судеб. Относя события к 477 г., Малх пишет: «Когда Август, сын Ореста, услышал, что Зинон, изгнав Василиска, вновь овладел царской властью на Востоке, он заставил сенат отправить к Зинону посольство с тем, чтобы сказать ему, что нет им никакой нужды составлять особое царство, что для обоих краев довольно одного Зинона как общего автократора, что римляне предлагают власть над собой Одоакру, мужу с государственным умом и воинственному. Они просят Зинона пожаловать Одоакру достоинство патрикия и поручить ему управлять италийцами».⁴⁶

Тема *translatio imperii* еще более четко ощущается в сочинении Зосима «Новая история». Повествуя об упадке некогда могущественной Римской империи, он вместе с тем возвещает о светлом будущем нового Рима — Константинополя. Как и Аммиан Марцеллин, он верит в вечность Римского государства, но олицетворяет его, по его представлению, уже не Рим, а Константинополь.⁴⁷ Показательно, что Константинополь в сознании Зосима всегда находился на одном уровне со старым Римом. По мнению историка, Константин создал город на Босфоре как

⁴⁰ Ibid. Fr. 15. P. 329; Fr. 30. P. 340.

⁴¹ Malchi Fragmenta // HGM. Fr. 7. P. 391.

⁴² Ibid. Fr. 10. P. 397.

⁴³ Ibid. Fr. 8. P. 394; Fr. 9. P. 396.

⁴⁴ Ibid. P. 383.

⁴⁵ Ibid. Fr. 6. P. 391; Fr. 11. P. 399.

⁴⁶ Ibid. Fr. 10. P. 398.

⁴⁷ Kaegi W. E. *Byzantium and the Decline of Rome*. Princeton, 1968. P. 135—144; Удалцова З. В. Идеино-политическая борьба в ранней Византии. М., 1974. С. 97.

противовес Вечному городу, как новую резиденцию императора и столицу империи. Поэтому Константинополь для Зосима — город равносильный Риму (πόλιν ἀντίρρολον τῆς Ῥώμης) уже с самого начала своего существования.⁴⁸ Разделение империи на восточное и западное царства произошло, как полагает Зосим, сразу после смерти Константина, когда его сыновья, Константин, Констант и Констанций, поделили между собой народы (τὰ ἔθνη), и старшему Константину и младшему Константу достались те, что по ту сторону Альп, а также Италия и Иллирик с тамошними (народами), кроме того, те, что у Понта Эвксинского и зависящая от Карфагена Ливия, Констанцию же отошли те, что у Азии, Восток и Египет.⁴⁹

Симпатии Зосима находятся на стороне восточного царства. Он резко отрицательно относится к Стилихону, который в качестве регента хотел объединить под своей властью обе части Римской империи. По мнению Зосима, это означало посягательство на то, что принадлежало вассилевсу Аркадию.⁵⁰ Единая Римская империя была для него фактом прошлого, временем до императора Константина, ни о каком объединении Востока и Запада он не помышлял и писал свое сочинение, имея в виду интересы Востока. Показательным для приоритетов Зосима является, например, следующий пассаж его исторического сочинения. Рассказывая о событиях на Западе в правление Гонория, он начинает свое повествование следующим образом: «В то время, когда еще царствовал Аркадий, а консулами были Гонорий в седьмой раз и Феодосий во второй раз, солдаты, расквартированные в Британии, подняли мятеж...».⁵¹ Иными словами, какими бы важными ни были события на Западе, точкой отсчета для них являются события на Востоке.

События на Востоке, даже не столько отдаленные, сколько современные ему, волновали его, причем настолько, что в ряде случаев под видом событий прошлого он отразил действительность начала VI в.⁵²

У Прокопия Кесарийского тема *translatio imperii* получает свое завершение. Для него Византия и есть Римская империя, а западное государство — это Италия, романское население которой он называет италийцами.⁵³ «Такие-то вещи совершались и в Византии и в прочих городах. Подобно некоей болезни, это зло (речь идет о стасиотах. — А. Ч.), начавшись здесь, распространилось по всей римской державе», — заключает он в 8-й главе «Тайной истории».⁵⁴ В другом месте того же сочинения он пишет: «Помимо того, что ему оказалось пустячным делом

⁴⁸ Zosim. II. 30. 1.

⁴⁹ Ibid. II. 39. 2.

⁵⁰ Ibid.

⁵¹ Ibid. VI. 2. 1.

⁵² См. об этом: *Goffart W. Zosimus, the First Historian of Rome's Fall // AHR. 1971. Vol. 76. P. 423—426.*

⁵³ *Procopii Caesariensis. De bello Persico // Idem. Opera omnia. Lipsiae, 1962. Vol. 1 (далее — В. Р.). II. 3. 42; Idem. De bello Gothico // Idem. Opera omnia. Lipsiae, 1963. Vol. 2 (далее — В. Г.). I. 1. 29 etc.*

⁵⁴ *Procopii Caesariensis. Historia arcana // Idem. Opera omnia. Lipsiae, 1963. Vol. 2 (далее — Н. а.). VIII. 1.*

разрушить Римскую державу, он сумел овладеть еще Ливией и Италией и все ради того, чтобы наряду с теми, кто уже оказался в его власти, погубить обитателей и этих мест».⁵⁵ Слово «римляне» в применении к Западу используется Прокопием либо по отношению к жителям города Рима,⁵⁶ либо как историческое обозначение римлян до свержения Ромула Августула.⁵⁷ Прокопий восхищается королем остготов Теодорихом. По его мнению, Теодорих по сути был самым настоящим императором, однако подданных его он именует готами и италийцами.⁵⁸ Прокопий, совершенно очевидно, полагает, что, чтобы быть римлянами, надо не только жить на римской, настоящей или бывшей ее территории, но в первую очередь быть подданными римского императора. Именно такими были в его глазах жители Византии. Для него византийский мир также достаточно пестрый в этническом плане, но в собирательном смысле все его обитатели — римляне. «Так обстояли у римлян дела с Юстином»,⁵⁹ — пишет он после того, как рассказал о неграмотности этого императора и приспособлении — дощечке, на которой изображен был контур четырех латинских букв (т. е. *legi*), которые обводил василевс, дабы было свидетельство его собственноручной подписи.⁶⁰

Западные государства, которые он называет царствами (царство готов, царство вандалов), для него далекие и чужие. Он рассказывает, как его, подобно другим римлянам, страшила экспедиция в Северную Африку.⁶¹ В сущности, ему казался ненужным и поход в Италию, который обернулся страшной трагедией для империи,⁶² восточные области которой оказались беззащитными перед ударами персов. Именно трагедией представляются ему последствия похода Хосрова на Византию, завершившегося гибелью жемчужины Востока Антиохии. Прокопий был настолько потрясен этим, что даже усомнился в существовании Бога, попустившего такое зло.⁶³ Страдания Италии и тамошнего населения были для него чужими страданиями. Чужим был для него и город Рим. Его восхитила Аппиева дорога,⁶⁴ он описывает памятник кораблю Энея,⁶⁵ но у него нет и следов того восхищения Римом, которое было у Аммиана Марцеллина. Прекрасен Византий (Константинополь), прекрасна Антиохия, а в Риме для него есть лишь некие диковинные вещи, какие встречаются в чужих, далеких странах, не связанных особыми узами с его собственной страной.

⁵⁵ Ibid. VI. 25.

⁵⁶ В. Г. I. 19. 1; 20. 5, 14; 22. 1, 3. 10 etc.

⁵⁷ Procopii Caesariensis. De bello Vandalico // Idem. Opera omnia. Lipsiae, 1962. Vol. 1 (далее — В. V.). I. 2. 31; 3. 14, 35; В. Г. I. 1. 3 etc.

⁵⁸ В. Г. I. 1. 26, 29.

⁵⁹ Н. а. VI. 17.

⁶⁰ Ibid. VI. 14—16.

⁶¹ В. V. I. 12. 3.

⁶² Н. а. VI. 25.

⁶³ В. P. II. 10. 4—5.

⁶⁴ В. Г. I. 14. 6—11.

⁶⁵ Ibid. VIII. 22. 7—16.

Показательно, что если Евнапий начинает деление империи на западную и восточную части со смерти Феодосия, Прокопий, хотя и помнит о таком разделении, все же считает, что разделена была держава еще Константином, который перенес место пребывания василевса в Византий.⁶⁶ Именно с основания новой столицы на Босфоре началась, в его представлении, новая жизнь и для Востока, и для Запада. И в этом великий историк, несомненно, был прав.

⁶⁶ В. V. I. 1. 3.